

К. К. Логинов, И. Ю. Винокурова

ЮГО ЮЛЬЕВИЧ СУРХАСКО. СТРАНИЦЫ ТВОРЧЕСКОЙ И ЛИЧНОЙ БИОГРАФИИ

Он говорил нам, своим коллегам по работе, даже самым молодым: «Зовите меня просто Йоуко». Правильно его финское имя звучит именно так. Что же касается фамилии, то, как рассказывал сам Юго Юльевич, расшифровать ее ему помог лингвист М. М. Хмяляйнен: в вепском языке, в отличие от финского, сохранилось слово *haskus*, обозначающее ‘шаг’, следовательно *suuri* ‘большой’ + *haskus* ‘шаг’ вместе означало ‘большой шаг’. Эта фамилия ему очень подходила. Он действительно очень быстро и энергично двигался.

В событиях детства и юности Сурхаско как в зеркале отразились судьбы большинства финнов в нашей стране. Юго (Йоуко) Юльевич Сурхаско родился 4 марта 1929 г. в Ленинграде. Отец Юлиус Александрович Сурхаско, 1896 г. р., был родом из Койвисто (ныне г. Приморск) на Карельском перешейке. В 1918 г., после победы в Финляндии «белого движения», он, сражавшийся во время Гражданской войны на стороне красных, был вынужден бежать в Россию. Мать Айно Матвеевна Латтунен родилась в 1895 г. в Ахъярви (ныне с. Первомайское). В 1917 г. родители Юго встретились в революционном Петрограде. «Красный финн» Сурхаско прибыл туда с мечтой о революции, а мать Юго приехала в Петроград в поисках работы. Молодые люди сразу понравились друг другу. Юлиус Сурхаско оставил мечты о всемирной революции и всеобщем счастье для бедных и решил устроить личное счастье с Анной. В 1918 г. они поженились. Через год у них родилась девочка, а через 10 лет – Йоуко, будущий исследователь народной культуры карел. В том же году семья переехала в Карелию, в г. Кондопогу, где отец, будучи классным специалистом-механиком, получил работу в механических мастерских. Семье выделили очень хорошую жилую площадь в виде отдельной квартиры в коммунальном доме.

Рассказы Юго Юльевича о своей жизни сродни приключенческим, правда, очень суровым, романам, уготованным судьбой для поколения 1930-х гг. Радости детства оказались не для него. Йоуко в двухлетнем возрасте тяжело заболел, и последствием болезни стало необратимое

искривление позвоночника. Первое, что хорошо запомнил Юго Сурхаско, были массовые репрессии советских финнов. В конце 1937 г. отец в кругу семьи выражал недоумение происходящим. Не раз говорил, что будет активно протестовать, если и его придут арестовывать. Из НКВД за отцом пришли зимней холодной ночью 1938 г. Глава семьи, чтобы ненароком не разбудить детей, тихо собрался и ушел в темноту с двумя охранниками. Квартиру у семьи репрессированных «врагов народа» сразу же отобрали, мать вынуждена была пойти на тяжелую и низкооплачиваемую работу, трудиться с утра до поздней ночи, чтобы дети не умерли с голоду.

Через месяц-полтора после ареста семья Сурхаско предприняла попытку свидеться с отцом. Судьбы арестованных не знал никто, поэтому решили ехать в центральную тюрьму в Петрозаводск. Мать не могла оторваться от работы на целый рабочий день, и в столицу Карелии отправились десятилетний Юго и его сестра. Сестра побоялась войти в здание тюрьмы, отправив туда младшего брата. Когда мальчик с узелком приблизился к окну для передач (заглянуть в окно не хватало роста), его с руганью выгнали на улицу. Им пришлось уехать ни с чем. Из НКВД известие о смерти кормильца получили стандартное: якобы глава семьи заболел простудным заболеванием и умер в местах ссылки. Юлиус Александрович Сурхаско был реабилитирован посмертно в 1956 г. И хотя Юго Юльевичу удалось в 1990-х гг. ознакомиться с личным делом отца из архивов НКВД¹, он так и не смог до конца выяснить, где и когда тот был расстрелян и похоронен.

Финскую войну 1939–1940 гг. прожили в Кондопоге. Мечтали перебраться поближе к родным местам. На некоторое время это удалось сделать: с декабря 1940 по июль 1941 г. семья проживала в г. Яски (ныне г. Лесногорск Ленинградской области), но родные края приютили их только на полгода. В начале войны, в августе 1941 г., их эвакуировали в небольшую деревушку в Кировской области. Недоедание и домашние уроки при керосиновой лампе (Юго снова пришлось пойти в четвертый класс, поскольку восьмилетки в деревне не было) – обычное существование всех эвакуированных детей. Хозяйка, у которой разместились семья, оказалась душевной и доброй женщиной, так что, слава богу, никто с голоду не умер. Самое яркое воспоминание Юго тех лет – это событие весны 1943 г. С соседским мальчиком они ушли далеко от дома, вниз по реке. Лед в замерзшей речной полынье проломился, и товарищ Юго с головой погрузился в холодную воду. Как он вытаскивал его, Юго не помнил, но обратную дорогу к теплу и людям запомнил надолго: задыхаясь, бежал и заставлял бежать все вперед и вперед насквозь

промокшего и выбившегося из сил друга. Так они и добрались до деревни. Товарищ Юго отделался лишь небольшой простудой.

Из Кировской области в марте 1944 г. семье еще раз удалось переехать поближе к родным краям, в п. Тосно Ленинградской области, но в мае 1947 г. всем финнам было предписано покинуть пределы Ленинградской области. В сентябре 1947 г. в качестве постоянного места жительства им определили деревню недалеко от станции Дно в Псковской области. Однажды, проживая на Псковщине, Юго пришлось пережить сильное потрясение. Попадая на занятия в девятый класс средней школы, он перепутал направление и забрался на товарный поезд, шедший в противоположную сторону. Поезд вез соль – груз в первые послевоенные годы дефицитный, а значит, и стратегический. Поезд увез юношу далеко в сторону запретного для финнов Ленинграда. Он был замечен охраной железной дороги, снят с поезда и отправлен для разбирательства на станцию. Юноша хорошо понимал, что его, не просто финна, но сына «врага народа», не имеющего при себе никаких документов, но уже отравившего первый пушок усов, легко могут представить заматерелым вором или даже диверсантом. Последнее предположение в обстановке шпиономании тех лет не было лишено оснований. На этот раз Юго действительно повезло: дежуривший на станции лейтенант оказался нормальным человеком, он выслушал парня, напоил его горячим чаем и посадил на ближайший поезд. Добрые чувства к этому лейтенанту Юго Юльевич не без основания пронес через всю жизнь.

В мае 1948 г. Сурхаско окончил 10-й класс. Перед ним встал вопрос: «Куда пойти учиться»? Мыслей о том, чтобы получить историко-филологическое образование, поначалу не было, зато были «особые счета с медициной», как любил говаривать Юго Юльевич, поэтому он решил поступать на медицинский. Сдал экзамены в мединститут им. И. П. Павлова в Ленинграде, выдержав конкурс девять человек на одно место, однако уже через три дня его вызвали в деканат и приказали в 24 часа покинуть город, так как ему, финну по происхождению, отказали в прописке и праве проживать в г. Ленинграде. Он был вынужден уехать назад к матери.

Через год ингерманландским финнам разрешили селиться в Карелии. В январе 1949 г. семья перебралась сначала в г. Беломорск, а к середине года – в столицу Карелии, г. Петрозаводск, около которого поселилось большинство ингерманландских финнов. Попытка поступить на биологический факультет Карело-Финского университета оказалась тщетной и по совету друга Ивана Степановича Галкина, ставшего позднее известным исследователем марийского языка, Юго Юльевич поступил на финно-угорское от-

деление. В университете Юго Юльевич учился с 1949 по 1955 г. С первого курса занимался переводами с финского и карельского языка на русский, печатался в местных журналах и газетах. На переводческой ниве сотрудничал со своим однокурсником, впоследствии известным карельским писателем и общественным деятелем Т. Н. Сумманеном. Кроме того, писал изредка заметки на русском языке в газеты Петрозаводска.

В 1952/53 учебном году во время академического отпуска Юго Юльевич работал заведующим Машезерской сельской библиотекой и научным сотрудником Петрозаводского исторического музея. По окончании университета Ю.Ю. Сурхаско получил квалификацию преподавателя финского языка и литературы. В сентябре-октябре 1955 г. работал в качестве штатного литературного сотрудника газеты «Юный ленинец», затем до августа 1957 г. – научным сотрудником Петровского исторического музея в Марциальных Водах.

**Участники этнографической экспедиции Института этнографии
и ИЯЛИ**

Слева направо: А. П. Новицкая (Москва), Р. Ф. Тароева (Петрозаводск),
Н. Юхнева (Ленинград), Ю. Ю. Сурхаско (Петрозаводск), Д. Колатсельга
Пряжинского района, 1964 г.

Альбом Р. Ф. Тароевой, НА. Ф. 1. Оп. 29. Д. 422. Л. 1

С сентября 1957 по конец 1958 г. Юго Юльевич трудился товароведом в системе Книготорга Карелии, а в 1960 г. – инспектором в той же торговой системе. В 1961–1963 гг. Сурхаско опять работает в Государственном

краеведческом музее КАССР, но на этот раз уже в должности заведующего филиалом санатория «Марциальные воды». Благодаря тесным связям работников Государственного музея с учеными из Института ЯЛИ Карельского филиала АН СССР, Сурхаско

Ю. Ю. Сурхаско на лыжной прогулке в районе Кургана под Петрозаводском. 1980-е гг.

лично знакомится с В. В. Пименовым, автором известной монографии «Вепсы» и будущим членом-корреспондентом Академии наук СССР К. В. Чистовым, в то время работавшими в ИЯЛИ. Они предлагают ему поступить в целевую аспирантуру при Институте этнографии АН СССР. В 1964 г. Юго Юльевич становится аспирантом, а после окончания аспирантуры с декабря 1966 г. начинает работать в ИЯЛИ на постоянной основе.

Темой кандидатской диссертации Сурхаско была избрана «Свадебная обрядность карел Карельской АССР». Этнограф В. В. Пименов и фольклорист К. В. Чистов становятся его научными руководителями. Публикаций по теме диссертации было мало, поэтому большинство данных для исследования предстояло собирать в полевых условиях. Маршруты его экспедиций пролегли по всей западной части Карелии от южного берега Ладожского озера до северного побережья Белого моря.

Позже, уже в конце 1970-х гг., нам доводилось иногда работать с Юго Юльевичем в совместных экспедициях. Он был прекрасным ходяком. В старенькой штормовке, с фотоаппаратом на груди и рюкзаком за спиной, с неизменным по-

сохом в руке шел Сурхаско от деревни к деревне. На переходе в несколько километров он неизменно отрывался от общей группы, и, когда мы его настигали, успевал уже вскипятить котелок, заварить чай и открыть походным ножом банку с консервами. В деревнях Сурхаско никогда, подобно нам, более молодым исследователям, не набрасывался с ходу на информантов с распрсами. У Юго Юльевича была своя методика сбора

материала по народной магии и верованиям. Получить такие сведения всегда было непросто, а особенно при советской власти, в годы активных атеистов-безбожников. В деревне первым делом Юго Юльевич здоровался с каждым встречным по-карельски (вариант – по-вепски). Затем завязывал разговоры со стариками, всегда устраивался на ночлег у местных жителей. И уже после ухи и похода в баню записывал материал о народных верованиях.

В первые четыре полевых сезона в конце 1960-х гг. Юго Юльевичем было сделано столько экспедиционных записей, что обработать их за время, отпущенное на написание диссертации, не было никакой возможности. При этом мало кто знает, каких усилий требовало и что значило для него просто написать несколько страниц на бумаге! Страдая с детства тяжелой неизлечимой болезнью, он ежедневно преодолевал свой недуг. Юго Юльевич не мог долго сидеть за письменным столом. Много писать ему удавалось лишь стоя у стола или лежа на полу на специальном деревянном «лежаке». Тем не менее к завершению аспирантуры он подготовил рукопись с описанием традиционной свадьбы карел Карельской АССР. Рукопись была громадная – 1200 страниц, которые зачастую были написаны убористым мелким почерком в целях сокращения объема. Все это следовало сократить самым существенным образом. После корректировки рукописи Кириллом Васильевичем Чистовым, объем ее все равно превышал 800 страниц. Самую кардинальную правку рукописи провел В. В. Пименов. Ныне, когда многие листы той легендарной рукописи утрачены, остается лишь жалеть, что она не дошла до архива в полном объеме.

Кандидатскую диссертацию Ю. Ю. Сурхаско защитил только через год после того, как в издательстве «Наука» в 1977 г. вышел его фундаментальный труд «Карельская свадебная обрядность...», представляющий собой первое и до сих пор самое полное исследование этого сложнейшего феномена карельской традиционной культуры. В монографии реконструируется и подробно анализируется с разных сторон весь комплекс верований, обычаев и обрядов, связанных с заключением брака. Ю. Ю. Сурхаско выделил два региональных типа карельской свадьбы – северокарельский и южнокарельский. По мнению исследователя, они явились отражением различных условий формирования и развития этнографических групп карел. «Адъво», «лемби», «патьяшка», «шуаяннайни», «козичендашаува» – эти понятия стали известны русскоязычным читателям именно благодаря монографии Ю. Ю. Сурхаско. Его труд получил заслуженно высокую оценку у авторитетных ученых. В

**Экспедиционные будни.
Ю. Ю. Сурхаско у костра.
Начало 1990-х гг.**

1986 г. на Всесоюзном конкурсе Института этнографии АН СССР книга была признана наиболее продуманным и наиболее четко структурированным трудом среди всех работ, посвященных свадебной обрядности, изданных за то время в СССР. В 1991 г. исследователь прибалтийско-финских народов, известный московский этнограф Н.В. Шлыгина писала: «К лучшим исследованиям свадебной обрядности за последние десятилетия принадлежит, несомненно, монография Ю. Сурхаско о карельской свадьбе»². Во второй своей монографии «Семейные обряды и верования карел...», вышедшей в 1985 г., Сурхаско вновь проявил себя как знаток духовной культуры карел, теперь уже родильных и похоронно-поминальных обрядов и связанных с ними верований.

Можно без преувеличения сказать, что без этих трудов Ю. Ю. Сурхаско не обходится ни один серьезный исследователь обрядности и духовной культуры прибалтийско-финских народов.

Научные интересы Ю. Ю. Сурхаско не ограничивались только работами по карельской этнографии. Он написал несколько трудов научно-популярного характера, являлся также научным редактором целого ряда сборников научных статей по духовной культуре народов Карелии. Всего Ю. Ю. Сурхаско за время работы в Институте ИЯЛИ опубликовал более 40 научных работ³.

Всю свою творческую жизнь он занимался переводами произведений с финского и карельского языков, что можно назвать его вторым любимым делом. Среди переводов Юго Юльевича имеются как чисто научные и научно-популярные тексты, так и литературные. Из литературных переводов наибольшую известность имеет роман Н. М. Яккола «Водораздел» (1959), а из научно-популярных – книга финского академика П. Виртаранты «Этюды о карельской культуре. Люди и судьбы» (1992).

В последние годы жизни Юго Юльевич писал статьи на этнографические темы в готовящиеся к изданию тома «Энциклопедии Карелии», трудился над монографией по православию карел, читал лекции у студентов прибалтийско-финского факультета Петрозаводского государственного университета. К сожалению, работа над монографией осталась незавершенной. Текст своей работы он намеревался набрать лично на компьютере.

В Карельском филиале Академии наук (с 1986 г. – Карельском научном центре РАН) Юго Юльевича знали как заядлого шахматиста. Сражаться в шахматы Юго Юльевич мог с кем угодно и сколько угодно. В обеденный перерыв все шахматисты из разных институтов неизменно собирались в кабинете сектора фольклора и этнографии Института ЯЛИ. Шахматы были заметной частью жизни Юго Юльевича. Он не расставался с ними даже в экспедициях.

За праздничным столом в секторе этнологии ИЯЛИ

Слева направо сидят: инженер Алексей Лапин, этнограф Константин Логинов, социолог Виктор Бирин, этнограф Ирина Винокурова; стоят: фольклорист Валентина Кузнецова, ст. лаборант Нина Шибанова, Юго Сурхаско. 1997 г.

В начале 1960-х гг. он встретил в Петрозаводске свою бывшую одноклассницу Юлию Иосифовну Цолан. Деловые отношения по поводу перепечатки научныхopusов быстро переросли в серьезные чувства. Молодые люди поженились. По воспоминаниям людей, близко друживших с семьей Сурхаско, Юлия постоянно заботилась о нем, ценила его и без конца готова была перепечатывать его научные труды. Когда Юго Юльевич остался один, он однажды узнал, что семье Колесниковых в г. Олонце, взявших на воспитание пятерых детей из детского дома (помимо

стольких же своих), требуется помощь. Зинаида и Виктор Колесниковы приняли предложенную им дружбу с радостью. Для Юго Юльевича эта семья стала родной. Он очень гордился ролью любящего «дедушки». Большую часть заработной платы он тратил на своих внуков, часто ездил к ним в Олонец, принимал их у себя в Петрозаводске. При нем все дети из этой семьи стали взрослыми, готовыми к самостоятельной жизни людьми.

Для коллег Юго Юльевич был добрым товарищем, его отличала скромность и доброжелательность, а отношения с женщинами были на редкость галантны. За советом в этнографических изысканиях или переводческих делах к нему приходили многие люди. Особое внимание он всегда уделял молодым специалистам и студентам, одной из которых была в свое время и соавтор этой статьи: «С Юго Юльевичем Сурхаско я познакомилась в 1974 г., когда приехала на зимние каникулы домой в Петрозаводск. В то время я училась на II курсе кафедры этнографии и антропологии в ЛГУ и готовила курсовую работу на тему “Карельская свадьба”. На нескольких листах бумаги я написала огромное количество вопросов, которые у меня возникли при изучении свадебной обрядности, и передала их через знакомых в институт для Ю. Ю. Сурхаско. Юго Юльевич ознакомился с моим списком и просил передать, что вопросы очень сложные и для их прояснения необходима встреча. Страшно волнуясь, всячески проклиная свою затею, я отправилась на встречу в институт, но вскоре мои страхи рассеялись. Меня встретил чрезвычайно простой в общении человек, который был наделен тонким чувством юмора. Он сразу расположил к себе. Мы поговорили несколько часов, я получила фотографии со сценами карельской свадьбы и оттиск его статьи “Об историко-этнической типологии карельской свадьбы” с посвянительной надписью, которую до сих пор воспринимаю как магическое напутствие для своей научной биографии. В ту первую нашу встречу я, конечно, не могла и предположить, что буду работать с Ю. Ю. Сурхаско в одном секторе и просижу с ним в одном кабинете ровно 20 лет. Ю.Ю. Сурхаско был оппонентом на защите моей кандидатской диссертации, редактором одной из книг. Он неоднократно оказывал мне поддержку в трудных ситуациях, был мудрым советчиком, верным другом, который обладал редким даром хранить чужие тайны».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Из дела следовало, что антисоветская деятельность Сурхаско старшего выражалась в том, что он «ругал советскую власть» в личных разговорах и «уносил с работы болты и гайки, чтобы сорвать выполнение пятилетнего плана в Карелии».

² *Шлыгина Н. В.* Свадебная обрядность прибалтийско-финских народов в конце XIX – начале XX в. (стадиальная и этническая специфика) // Советская этнография. 1991. № 2. С. 103.

³ См. в конце сборника список основных трудов Ю. Ю. Сурхаско.